Рецензии

Андреас Лангеноль

Протест как обучение.
Рецензия на книгу: Gabowitsch Mischa. Putin kaputt!? Russlands neue Protestkultur. Berlin: Suhrkamp, 2013.

Исследование Михаила Габовича — это, видимо, первая академическая монография о возникшем в 2011 г. протестном движении в России, которое проявило себя в массовых акциях, публичных перформансах и бурных дискуссиях в Интернете и оффлайне.

Габович, исследователь форума Эйнштейна в Потсдаме, социолог и историк, использует в работе как социологические, так и исторические экспликации. В исторической перспективе он рассматривает протесты сквозь призму генеалогии политического протеста, возникшего в СССР и царской России. Габович убежден, что протестное движение лишь очень слабо связано с признанными структурами гражданского общества и политического рынка, такими, как партии, НКО или манифестации социального протеста. Новая протестная культура не основана на принадлежности к формальной организации, чего нельзя сказать о партиях; также в отличие от многих НКО в России, она не строится на личных или родственных связях между участниками, которые не преследуют четко определенных групповых интересов. Габович утверждает, что новая культура протеста больше похожа на практики диссидентов позднего СССР, с которыми ее роднит не только легализм, стремление заставить власть соблюдать ее собственные законы, но и ненасильственный характер протеста, истоки которого Габович прослеживает до Льва Толстого и далее.

Историческая часть исследования дополняется социологической. Эмпирическая база состоит из данных включенного наблюдения,

Андреас Лангеноль — профессор факультета социологии Гиссенского университета им. Юстуса Либиха (Гиссен, Германия).

интервью, собранных в ходе протестных акций, и материалов СМИ, освещавших протесты, а также собранная автором база лозунгов (более 7 тыс.) протестных митингов по стране и за рубежом[1]. Анализируя протесты, Габович отдает предпочтение открытым методам без теоретической предзаданности, таким, как нарративные интервью, групповые дискуссии, исследования в сотрудничестве с объектом (collaborative sampling) и этнографические методы, а не стандартизированным анкетным опросам. Последние, хотя и внесли, большой вклад в самосознание общества, начиная с 1980-х годов (например, знаменитое исследование *homo soveticus,* проведенное под руководством Юрия Левады)[2], и заслужили высокую оценку российских читателей, но они склонны, как заявляет Габович, к не подходящим для понимания нынешней протестной культуры онтологическим допущениям относительно политических предпочтений. Таково, прежде всего, предположение, что респонденты приходят в протестное движение с заранее определенной политической ориентацией, с принадлежностью к одной из политических сил, тогда как, по Габовичу, напротив, и политические предпочтения, и политическая идентичность должны рассматриваться как результат участия в протесте.

Три главных тезиса Габовича о новой протестной культуре касаются 1) условий ее возникновения в контексте недавних авторитарных и централизаторских трансформаций политических и управленческих институтов в России; 2) роли протестного движения в росте осведомленности об общественных и политических процессах в стране; 3) социальных механизмов, собравших в общее протестное движение его участников.

Во-первых, протесты стали прямым следствием установления властной вертикали при Путине, подчиненного положения законодательной власти, отсутствия эффективных средств правовой защиты, широко распространенной коррупции, которую многие люди испытали на собственном опыте общения с властью и чиновниками. Поскольку критика и требования не находят своего выражения в прозрачном институционализированном процессе, недовольным остается или сдаться, или превратиться в протестующих: «Каждый, кто обнародует нарушения прав человека или случаи коррупции, кто выступает за свободу слова или собраний, отслеживает нарушение прав призывников или инвалидов, рискует превратиться в протестующего, поскольку институциональных механизмов защиты

1 База PEPS (Protest, Events, Photos, Slogans). Подробное описание базы см. www.gabowitsch.net/peps.

2 [Советский простой человек, 1993]. — *Ред.*

таких прав не хватает» [Gabowitsch, 2013, S. 146]. Власти, сами того не желая, подтолкнули зарождение протеста, способствовали политизации прежде аполитичных групп, к примеру, квалифицируя как экстремистские какие-то из молодежных субкультур.

Во-вторых, движение состоит не из индивидов с отчетливой идеологией и партийной принадлежностью, а прежде всего из людей, ищущих свою политическую позицию. Габович тем самым видит протестное движение *эпистемическим* движением: люди участвуют в протестных маршах и митингах, чтобы разобраться в идеологических альтернативах, мнениях и запросах других участников. Значение протестного движения, говорит Габович, состоит в создании пространства для социальных эпистемологий. Протест предоставляет гражданам информацию об обществе, которую они не могли получить из подконтрольных власти СМИ. В условиях жесткого контроля СМИ протестное движение взяло на себя роль «самоучителя», помогающего участникам понять социальные и политические условия их деятельности. Именно таким образом наблюдатели на выборах, действующие независимо от НКО и международных наблюдателей, сыграли решающую роль в запуске протестного движения. Сталкиваясь с нарушениями процедуры голосования, «каруселями» или манипуляциями с подсчетом бюллетеней, наблюдатели публиковали свои отчеты в социальных сетях, где их разоблачения, распространяемые перепостами по сети Интернет-друзей, заметно выигрывали в убедительности за счет такого способа передачи информации. Ирония ситуации состояла в том, что власть в какой-то степени сама помогала появлению эпистемических пространств: попытки контролировать протестные акции полицейскими методами, отправляя их на замкнутые огороженные площадки, только укрепляли социальный субстрат протеста, создавая пространства, где участники протеста оказывались в кругу своих: «Парадоксальным образом внешние преграды, возводимые полицией на согласованных акциях „За честные выборы“, создавали пространства свободы, внутри которых протестующие могли спокойно общаться и знакомиться. Многие участники протеста переживали такую возможность как важный опыт» [Ibid., S. 241].

В-третьих, протестное движение основывалось на разного рода процессах усиления и углубления социальности. Например, Pussy Riot вышли, по Габовичу, из художественной среды, где люди разного социального происхождения, с разной идеологической ориентаций начинали сотрудничать друг с другом. Протест в этом смысле возникает как более или менее естественное следствие разнообразия состава его социальной базы. Габович не ограничивает свой анализ демократическими сегментами протеста, а включает в него и ультранационалистов, и группы, склонные к насилию. Здесь Габо-

вич использует ассоциационистский тезис, напоминающий теорию Тарда о подражании и изобретении [Tarde, 1890; Тард, 1892]: новые формы публичного социального действия кристаллизуются в результате пересечений и рекомбинаций социальных, культурных политических импульсов, сталкивающих друг с другом разные повестки, мечты и требования.

Вследствие такого тезиса Габович рассматривает практики, нацеленные на максимальную видимость (публичные массовые протесты, художественные акции с последующим медийным продвижением), в качестве самых чистых случаев новых форм протеста, правда, проявляет при этом осторожность и не сводит протест исключительно к столичному, творческому, эстетическому и «стильному» феномену. Тем самым Габович косвенным образом проблематизирует тезис, неявно принятый в значительной части исследований социальных движений, а именно, что семантический или перформативный подрыв культурных репрезентаций оказывается per se политическим. Габович в своей книге показывает, что подрывной характер перформанса возникает в зависимости от социальных и политических контекстов. Во-первых, значимы не события и репрезентации сами по себе, а их способность рекомбинировать и собирать заново различные социальные группы, например, религиозные общины, арт-группы, негетеронормативные сообщества, и вовлекать их в дискуссию. Много, вероятно, будет зависеть от того, как такие дискуссии будут разворачиваться в дальнейшем. Во-вторых, воздействие публичного перформанса возрастает в ситуации запретов и ограничений: «Шокирующей чертой таких акций стала их способность выплескивать в публичное пространство общественные разногласия, вместо того, чтобы выяснять отношения в кругу „своих“. По мере сокращения публичного пространства и его фактической приватизации небольшим кругом людей скандальность подобных акций возрастала» [S. 204].

Политический успех движения, по мнению Габовича, будет определяться не тем, добьются ли протестующие отставки Путина, а вопросом — подтолкнет ли протест к трансформации некоторых ключевых аспектов политической культуры России? Прежде всего это касается клиентелистской логики политической деятельности, построенной на доверительных отношениях с друзьями в противоположность деперсонализированной и рациональной (в смысле Вебера и Хабермаса) логике политических дискуссий и приверженности легальным процедурным нормам. Ожидание перехода от первой логики ко второй не равнозначно заявлению, что Россия должна перейти к западной модели демократии [S. 344]. Обращая внимание на то, что быть участником протестного движения в России вовсе не значит разделять прозападные взгляды, Габович доказывает, что

этос деперсонализированной политики, характерный для движения, это не то же самое, что приверженность ценностям, определяемым как западные.

Результаты протестного движения пока еще, по мнению Габовича, неопределенные. С одной стороны, стратегия протестующих состоит по большей части в ригорическом подчеркивании правовых норм, которое позволяет выставить власть коррумпированной и беззаконной и обернуть ограничительное законодательство против самой власти (стратегия, унаследованная от советских диссидентов). С другой стороны, предупреждает Габович, самым мощным триггером протестов, в том числе в насильственных формах, оказывались, как правило, не законодательное ограничение гражданских свобод и не коррупция или злоупотребления во власти, а, скорее, случаи унижения, насилия или даже убийства кого-то должностными лицами: «Фрустрация от общения с коррумпированными чиновниками — это повседневный опыт большинства жителей России. Но для того, чтобы такая фрустрация переросла в готовность (хотя бы декларируемую) к силовому сопротивлению, коррупция должна приводить к человеческим жертвам» [S. 284]. Габович приводит такие примеры с пешеходами, сбитыми чиновниками, с отказами в медицинской помощи, с отменой льгот для инвалидов (или, например, для 600 тыс. чернобыльцев). Другими словами, эмоции, запускающие протест, — возмущение действиями властей, приводящими или способными привести к смертельному исходу, — в то же время могут помешать демократическому характеру движения, поскольку персонализируют требования к власти и задействуют семейный тип солидарности [S. 284, 364].

Успех движения будет также критически зависеть от того, удастся ли протестующим привлечь на свою сторону часть силовых структур. В целом отношения между протестующими и силовыми структурами выглядят крайне неопределенными. Силовые структуры — это не только одна из самых острых проблем для многих протестующих (не только из-за большого влияния силовиков, но и из-за их коррумпированности), но, по мнение Габовича, также и полигон для отработки ненасильственных форм протеста, которые (если окажутся успешными) могут привлечь в протестное движение также и сотрудников правоохранительных органов. В их числе «разговоры с людьми в униформе, лозунги и скандирования вроде „Полиция с народом“, символическое преподнесение цветов, объявление полицейских участниками митинга» [S. 328]. Шансы на успех таких попыток вовлечения пока минимальные: «Митингующие сталкиваются с системой, в которой сотрудники силовых структур набираются из слоев общества, наиболее привычных к насилию. Протестующих силовики чаще всего воспри-

нимают как чужих, а с политическим режимом связаны в первую очередь материальным стимулами» [S. 329].

Книга Габовича далека от оптимизма, ее неоднозначность четко проявляется в утверждениях вроде следующего: «Первые массовые митинги зимы 2011–2012 гг. своей веселой карнавальной атмосферой бросали вызов монополии Путина на политическую иронию, расчищали пути к обновлению публичной политики. Демонстрантам не удалось предотвратить возвращение Путина к власти. Они требовали изменений и вынудили систему эволюционировать, однако эволюция пока идет не в том направлении, в котором хотели протестующие, а, напротив, выражается в ряде репрессивных мер [S. 362].

Очевидно, даже отсылка к карнавалу в процитированном отрывке не создает сколько-нибудь оптимистической атмосферы. Как движение может преуспеть в борьбе с авторитарным государственным аппаратом, если даже иронию нужно у него отвоевывать? Как можно считать эволюцию режима положительным для протестного движения результатом, если она лишь усиливает давление на протестующих? Оптимизм следовал бы из предложенного диагноза только при условии, если из описанной Габовичем логики эпистемического движения следовал бы непрерывный рост протеста в динамике. Не говоря уже о том, что такой тезис был бы неизбежно телеологическим, и поэтому вызывающим сомнение. Книга Габовича говорит нам лишь о незначительных признаках того, что протестующие эволюционируют именно в этом направлении. Важно, что эпистемическая природа новой культуры протеста не научила протестующих, например, использовать сколько-нибудь систематически латентные конфликты в структурах власти [S. 329].

Ключевая проблема связана, таким образом, со значением и последствиями эпистемических процессов, которые, как доказывает Габович, являются ядром новой культуры протеста. Процессы когнитивного научения посредством коммуникативной рациональности в созданных протестом новых эпистемических пространствах — когда люди дискутируют и слушают друг друга, участвуя в протестных акциях, — соединяется с появлением грамматики эмоций, прочным основанием которой стал опыт бытия с „чужими“, а не «своими». Другими словами, новая «публичная политика» (politics) [S. 362] связана, если использовать термин Э. Повинелли [Povinelli, 2006], с «солидарностью незнакомцев», возникающей как эмоциональная обратная сторона деперсонализированных процедурных правил. Протестное движение должно рассматриваться не только как политический протест, но и как *социетальное* движение, призванное трансформировать общество. Соединение «солидарности незнакомцев» с формальной процедурностью может

оказаться социетальным процессом; если мы будем судить о нем только по его текущему воздействию на политический режим в России, мы рискуем неправильно его понять.

Перевод с английского языка Виктора Вахштайна

Библиография

1. *Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х./отв. ред. Ю. А. Левада. М.: Мировой океан, 1993.*
2. *Тард Ж.-Г. Законы подражания. СПб: Изд. Ф. Павленкова, 1892 [переизд. М.: Академический проект, 2011].*
3. *Povinelli E. The Empire of Love: Toward a Theory of Intimacy, Genealogy, and Carnality. Durham; London: Duke University Press, 2006.*
4. *Tarde G. Les lois de l'imitation. Paris: Alcan, 1890.*

References

1. *Sovetskiy prostoy chelovek: Opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh. (1993). Otv. red. Yu. A. Levada. M.: Mirovoy okean.*
2. *Tard Zh.-G. (1892) Zakony podrazhaniya. SPb: Izd. F. Pavlenkova, 1892 [pereizd. M.: Akademicheskiy proekt, 2011].*
3. *Povinelli E. (2006) The Empire of Love: Toward a Theory of Intimacy, Genealogy, and Carnality. Durham; London: Duke University Press.*
4. *Tarde G. (1890) Les lois de l'imitation. Paris: Alcan.*